

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 5—14.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 5—14.

Научная статья

УДК 821.111.09"17"-4

DOI: 10.46726/И.2024.5.1

ОБРАЗ АНГЛИИ В ЦИКЛЕ ЭССЕ ДЖ. ЛИТТЛТОНА «ПИСЬМА ПЕРСА ИЗ АНГЛИИ К СВОЕМУ ДРУГУ В ИСФАХАНЕ»

Олег Юрьевич Поляков, Константин Ильич Шубин

Вятский государственный университет, г. Киров, Россия,
polyakoov@yandex.ru, kostyashubin43@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена имагологическому анализу цикла эссе Дж. Литтлтона «Письма перса из Англии к своему другу в Исфахане» (1735), в котором представлен метаобраз современной писателю Англии. Концептуальной основой эссе Литтлтона является использование приема остранения, повествование от лица культурного «другого» (восточного персонажа-маски), которое позволяет заострить и по-новому осмыслить многие реалии английской национальной жизни той поры, наиболее полно и цельно представить картину различных аспектов английской действительности (политической, социальной, экономической, духовной сфер). Кроме того, в статье прослеживаются преемственность творческого метода и философских взглядов Литтлтона по отношению к философской и художественно-эстетической традиции Просвещения (Д. Локк, Ш. Монтескье) и развитие образов и идей автора «Писем перса» в сочинениях английских писателей. Новизна работы обусловлена также тем, что в поле имагологии вводятся ранее не изученные тексты, дополняется картина функционирования гетерообразов Востока и других стран в литературе Англии XVIII в. Полученные выводы способствуют более глубокому пониманию творчества Дж. Литтлтона и О. Голдсмита, их взаимосвязи, материалы исследования могут быть использованы при дальнейших исследованиях проблем имагологической рецепции и репрезентации.

Ключевые слова: Литтлтон, имагологический образ, репрезентация, остранение, метаобраз

Для цитирования: Поляков О.Ю., Шубин К.И. Образ Англии в цикле эссе Дж. Литтлтона «Письма перса из Англии к своему другу в Исфахане» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 5—14.

Одно из первых значительных произведений английской литературы, в котором использована стратегия имагологической репрезентации через ориентальную экзотизацию национального образа, было создано Джорджем Литтлтоном (1709—1773), государственным деятелем, публицистом и писателем, перу которого принадлежит цикл эссе «Письма перса из Англии к своему другу в Исфахане»¹ (1735). Это сочинение, написанное в подражание «Персидским письмам» Ш. Монтескье, продолжило традиции ориентальной литературы в Англии, способствовавшей как национальной самоидентификации через сопоставление с восточным «другим», так и постановке актуальных политических проблем.

Английская рецепция «Персидских писем» первоначально имела публицистическую направленность и отражала напряженную полемику вигов и тори. В частности, в публикациях оппозиционного журнала «Крафтсмен», в деятельности которого принимал участие и Дж. Литтлтон, критика английского правительства велась от лица восточного путешественника Узбека, который вызывал прямые ассоциации с героем Монтескье, причем его размышления касались не только политики, но и других сфер английской действительности (биржа, наука) [Гейзер: 28—30]. Очевидно, под влиянием данных публикаций Литтлтон предпринял собственную попытку адаптации «Персидских писем» к английской действительности.

В самом начале «Писем перса» рассказчик Селим устанавливает связь произведения с предметом своего подражания, романом «Персидские письма», намереваясь развить намеченную в нем тему Англии и при этом сосредоточить внимание на вопросах политического устройства этой страны. Еще один важнейший маркер, указывающий на преемственность «Писем перса» по отношению к прототексту Монтескье, — высказанное в письме I предостережение другу о том, что не следует считать неприемлемыми, фальшивыми описываемые его адресантом нравы, обычаи, установления, поскольку «привычки и рассуждения людей существенно разнятся, и то, что в одной стране воспринимается как проявление крайнего неразумия, в другой будет почитаться как великая мудрость» (134)². Это положение соответствует убеждению Монтескье, согласно которому «то, что у одних народов считается естественным, как бы продиктованным самой природой, — отвергается, осуждается и преследуется другими как извращение ее» [Сигал: 250].

Дж. Литтлтон, как и Ш. Монтескье, акцентирует прием остранения, использованный в письмах, и указывает на «чужеродность» умозаключений фикционального повествователя. Вопреки заверениям автора в послании к издателю в том, что письма являются его собственным переводом подлинной рукописи, сделанным с персидского оригинала, у читателя возникает стойкое убеждение, что это мистификация [Copant: 179]. Так же и Монтескье создает в «Персидских письмах» иллюзию документальности, выдавая свои тексты за письма персов.

Помимо «Персидских писем» Монтескье на Дж. Литтлтоне могли повлиять сочинения других авторов. К их числу относятся «Письма Турецкого

---

¹ Название произведения обусловлено тем, что город Исфахан, столица Сефевидского государства в XVIII веке, в котором происходило много важных и динамичных событий, был знаком англичанам, ассоциировался с Востоком.

² Здесь и далее «Письма перса...» приводятся по изданию: [Lyttelton] с указанием в скобках страниц.

шпиона» (1687—1693) Джованни Паоло Мараны (*Letters written by a Turkish spy*) и «Экскурсия по всему острову Великобритании» (1724—1727) Д. Дефо (*A Tour Thro' The Whole Island of Great Britain*) [Rao: 70]. Кроме того, автор обращался к трудам великих английских философов Дж. Локка и Ф. Бэкона. В свою очередь, сочинение Дж. Литтлтона оказало влияние на цикл эссе Оливера Голдсмита «Гражданин мира».

Стиль «Писем» не столь поэтичен, как у О. Голдсмита, но предельно искренен и прост, в связи с чем исследователи говорят о сходстве произведения Литтлтона с дневником [Copant: 209]. В то же время оно объединяет все разновидности ориентальных эссе, выделяемые учеными, — сатирические, медитативные, моралистические и критические [Лучинина: 136]. Так, автор проявляет себя как социальный критик, описывая английскую тюрьму, биржу, раскрывая проблемы образования и воспитания. Он высмеивает устройство суда, слепое следование моде в искусстве, политике и др. К числу медитативных эссе можно отнести письма Дж. Литтлтона, в которых он размышляет о женской природе, задачах воспитания, о свойствах души человека и качествах настоящего христианина, священника. Кроме того, практически все эссе писателя проникнуты этическим содержанием, призывами к добродетельной жизни, а морализация осуществляется через диалоги, сравнения, вставные рассказы, сатирические описания.

В фокусе внимания автора «Писем» находятся политические вопросы. В этом заключается одно из различий между сочинениями Литтлтона и Монтескье [Masgoor: 152]. Между тем есть и другие. Например, Узбек, герой романа Монтескье, в отличие от Селима, от лица которого ведется повествование в «Письмах перса», упоминает своих жен и датирует письма. Возможно, поэтому в «Письмах» Монтескье в большей степени создается эффект правдоподобия [Там же].

Примечательно, что имена Селим и Узбек не являются персидскими. Дж. Литтлтон взял для перса имя турецкого правителя, очевидно, потому, что оно было известно английским читателям. Важно отметить, что этот герой, как и персонажи Монтескье, предстает одновременно в роли благородного дикаря и носителя просветительских идеалов [Поляков, Полякова 2023: 326]. Такая двойственность нарратора делает имагологическую репрезентацию более глубокой и наглядной.

Восточную «наивность» Селим соединяет с английским здравым смыслом, зачастую обнаруживая если не подобие «гибридной идентичности», то откровенное присутствие автора за маской повествователя. Это проявляется уже в самом начале произведения, когда речь заходит об английской опере, которую рассказчик оценивает с большим знанием дела. Сравнивая английские и восточные традиции музыкального искусства, он обнаруживает существенное различие между ними, которое заключается в том, что ориентальная музыка обладает большей экспрессивностью, ритмичностью.

“<...> and, to say the truth, your music is very far from inflaming me to a spirit of action; it is much more likely to lay me asleep” (136).

(<...> по правде говоря, ваша музыка совсем не воодушевляет меня, от нее клонит в сон).

“They had no eunuchs among them but there was one who sung upon the stage, and, by the luxurious tenderness of his airs, seemed fitter to make them wanton, than keep them chaste” (135).

(«На сцене не было евнухов. Зато был певец, который своими откровенными манерами только развращал женщин, а не оберегал их честь»).

Помимо оперы Селим посещает арену, где проводят жестокие состязания между животными и людьми, которые пользуются большой популярностью у англичан:

“The pleasure was, to see the animals worry and gore one another, and the men give and receive many wounds; which the delighted beholders rewarded with showers of money, greater or less, in proportion as the combatants were more or less hurt. I had some compassion for the poor beads, which were forcibly incensed against each other: but the human brutes who, unexcited by any rage or sense of injury, could spill the blood of others, and lose their own, seemed to me to deserve no pity” (137).

(«Зрители наслаждались страданиями и кровью животных, жестокой борьбой людей. В зависимости от тяжести ранений соперники получали соответствующую награду от восторженных поклонников. Мне было жаль бедных животных, которых натравливали друг на друга. Но жестокие люди, которые проливали кровь друг друга просто так, не повинуюсь чувству гнева или боли, не вызывали жалости»).

Перс критикует увиденное, полагая, что такие развлечения больше присущи варварам, чем цивилизованным людям, и в то же время считает, что в этих суровых, безжалостных соревнованиях проявляется «боевой гений и дух свободы»: “however, I looked upon it as a proof of the martial genius of this people, and imagined I could discover in that ferocity a spirit of freedom” (137).

Эта характеристика, очевидно, дана под влиянием Монтескье, который считал, что климат определяет характер нации и политический режим государства [Leerssen 2006: 69]: англичанам как северному народу присущ независимый, стойкий характер, который отражается в политическом устройстве Англии (сильное, независимое правительство). Стоит отметить, что подобным образом описывал характер англичанина и О. Голдсмит.

Еще одну переключку с О. Голдсмитом можно заметить при описании суда [Goldsmith: 388]. Огромные денежные издержки идут на различных служащих, которые, по сути, не выполняют никакой работы.

“In Persia the *cadi* passes sentence for a round sum of money: in England the judge indeed takes nothing; but the attorney, the advocate, every officer and retainer on the court, raise treble that sum upon the client” (198).

(«В Персии кади выносит приговор за приличную сумму. В Англии судья не берет плату. Зато поверенный, адвокат, каждый клерк в суде берут с клиента втрое больше, чем в Персии»).

Критический пафос усиливается в той части произведения, где говорится о посещении Селимом Лондонской биржи. Помимо честных торговцев, там имеются хитрые и ловкие дельцы, которые «поднимают такие страшные бури, что половина национального богатства идет ко дну» (267), в то время как их собственное благосостояние неуклонно растет.

Большое внимание автор «Писем» уделяет проблемам образования и воспитания, поскольку Англия считалась в этих вопросах образцовой страной. Однако из беседы Селима с молодыми аристократами видно, что образование в Англии оставляет желать лучшего: в колледжах студенты не узнают ничего нового, полезного, не обогащают ум и не развивают душу, их познания ограничиваются поверхностным знакомством с древними языками.

Не лучше обстоит дело с воспитанием девушек. С самого детства в них старательно культивируют самомнение, гордыню, эгоизм, кокетство, своеволие, надменность, избалованность, и в итоге они превращаются в «холодных принцесс», неспособных к браку и исполнению своих обязанностей в семье и обществе. Английский собеседник Селима с иронией замечает:

“... the first great point which every mother aims at, is to make her girl a goddess if she can” (287).

(«... цель каждой матери состоит в том, чтобы воспитать из дочери богиню, не иначе»).

Проблемы семьи и брака в Англии освещаются в «Письмах» как в небольших сатирических комментариях и комических зарисовках, так и в новеллах с развернутой сюжетной структурой, раскрывающих различия европейской и восточной культур. Например, Литтлтон пишет, что осуждаемая в обществе неверность в браке была распространена среди английской аристократии, тогда как на Востоке многоженство узаконено. Однажды Селим предлагает английской девушке выйти за него замуж, что вызывает у нее изумление, поскольку ее восточный воздыхатель женат:

“How! said she, you are married then already! —Yes, said I, <...> and some, I am sure, of the most fashionable men in England do the same, only leaving out the ceremony” (191).

(«— Как! — вскричала она, — вы женаты! — Да, — ответил я, — я уверен, что многие английские аристократы женятся несколько раз, только неофициально»)

Среди английских дам была распространена вера в платоническую любовь, возвышающуюся над плотскими чувствами. Селим, не соглашаясь с подобными взглядами, приводит историю, которая призвана опровергнуть эти заблуждения. Прекрасная европейская женщина Гонория и ее муж попадают в плен к мусульманину, а затем их разлучают. До плена Гонория говорила мужу, что любит только его ум и не собиралась снисходить до плотских отношений. Однако в плену она стала женой мусульманина и изменила свои взгляды. В то же время ее муж стал евнухом. Когда они встретились спустя несколько лет, Гонория с презрением отвернулась от бывшего мужа, узнав, кем он стал. Так, мусульманский мир выступает как носитель качеств, противоположных «утонченности и возвышенности» Европы.

Литтлтон подчеркивает, что брак в Англии разительно отличается от брака на Востоке. Перс приводит историю молодых людей, которых еще в детстве родители решили поженить против их воли. Когда девушка и юноша выросли, то решили отменить брак, но церковь воспротивилась этому. В итоге они были вынуждены жить отдельно, но при этом состоять в браке. После многих лет и череды удивительных событий они случайно встретились и действительно полюбили друг друга. Селим заключает:

“There is nothing more astonishing to Musulman than many particulars relating to the state of matrimony, as it is managed in Europe: our practice of it is so totally different, that we can hardly think it possible for men to do or suffer such things as happen here every day” (209).

(«Для мусульманина нет ничего более удивительного, чем европейское отношение к браку. Наше понимание супружества столь различно, что мы едва ли сможем понять те чувства, которые привычны для англичанина»).

Национальный характер англичан, их манеры и привычки подвергаются строгому суду восточного наблюдателя: в письме XXIII Селим пишет о посещении дома богатого джентльмена, который слывет эстетом, но в действительности следует моде лишь для того, чтобы подчеркнуть свое высокое положение в обществе. В других письмах рассказчик осуждает расточительство аристократов, их губительный картежный азарт, бессмысленную роскошь их трапез, которые вызывают у него ассоциации с английскими политиками:

<...> their dinners put me in mind of what I had heard about their politics: they are artificial, unsubstantial and unwholesome, but at the same time most ruinously expensive” (366).

(«Их обеды напомнили мне о том, что я слышал об английских политиках: в них много фальши и мало пользы, и в то же время они непомерно дорого обходятся»).

Критика английских аристократов приобретает в цикле Литтлтона тотальный характер и проявляется не только в картинах лондонской жизни, но и в эссе, описывающих провинцию, и в этой части произведения заметно влияние сочинения Д. Дефо о путешествии по Британии [Rao: 70]. Так, перс сравнивает сельскую Англию с благоухающим садом. Подобным образом изображал провинциальные красоты и Д. Дефо [Defoe: 11]. Кроме того, известно, что Дж. Литтлтон был одним из первых, кто противопоставил формальным линиям в дизайне сада красоту и гармонию природы [Rao: 198].

При этом пасторальная идиллия возделанной Англии находится под угрозой, поскольку многие аристократы покидают свои поместья и живут в Лондоне. Дж. Литтлтон приводит в пример размышления Узбека из «Персидских писем» Монтескье, который пишет о подобном явлении во Франции [Поляков, Полякова: 181]. Так и английские поместья постепенно становятся заброшенными и пустыми, что свидетельствует, по мысли автора «Писем», о духовном упадке английской аристократии. В противопоставлении столицы и провинции прослеживается имагологическая оппозиция «центр — периферия» [Там же: 44]. Центр предстает в виде динамичной столицы, в которой сосредоточена жизнь английского общества, однако она поверхностна, лишена глубины, а периферия в это же время медленно разрушается.

Главное внимание Дж. Литтлтон уделяет политической жизни Англии и государственному устройству в целом. В письмах с X по XXII содержится продолжение притчи о троглодитах, которая рассказана в «Персидских письмах» французского писателя (письма XI—XIV) [Монтескье: 28—36]. В письмах Монтескье троглодиты предстают как очень добродетельный народ, который долгое время жил без правителя. Их процветание было основано на взаимном уважении и любви. Но в какой-то момент они решили выбрать себе правителя, чтобы переложить на него ответственность за исполнение нравственных законов, и с тех пор начался их упадок.

Дж. Литтлтон продолжает эту историю. Следует отметить, что в отличие от притчи Монтескье троглодиты в истории Дж. Литтлтона выбирают себе правителя в силу внешних обстоятельств — нашествия иноземных захватчиков. Приход к власти короля ознаменовал собой упадок во всех сферах жизни троглодитов: нравственной, экономической, социальной и др. Их моральные устои деградировали, поскольку правитель стал их совестью; их законы, ограничив свободу, увеличили количество преступлений и ожесточили сердца людей. В корне всех этих несчастий лежит отказ от природных законов.

Перс полагает, что общество, которое руководствуется законами природы, живет несравненно лучше, чем под властью абсолютного правителя. В данном случае прослеживается связь с размышлениями Джона Локка относительно устройства общества. Философ полагал, что в каждом человеке присутствует нравственный закон, который вложен Богом [Locke: 90]. Если люди отступают от этого закона и переходят под власть иного закона, то они наносят благосостоянию общества большой урон. Литтлтон, как и Монтескье, считал, что установление монархии является свидетельством духовного упадка человечества, «порчи» изначально хорошего общества, которое стало безнравственным и несчастным при переходе от природного устройства к государственному [Lyttelton: 159].

При этом перс Литтлтона, в отличие от Узбека Монтескье, не склонен критиковать английский монархический институт. Он пишет, что власть английского короля более устойчива и прочна, чем правление восточного султана. Королевский двор в Англии менее подвержен смутам и жестоким переворотам,

поскольку правление монарха основано на справедливости, любви народа и подкреплено законом.

Селим восхищается английским правительством. Он ставит государственное устройство Англии много выше восточной тирании.

“Now, and never till now, did I see a true image of civil government, the support and perfection of human society. A tyrant's court is no more worthy to be compared with this assembly, than a lion's den with a temple” (260).

(«Впервые я встречаю подлинно гражданское правительство, оплот и высшую ступень человеческого общества. Двор тирана не идет ни в какое сравнение с ним, как логово льва с храмом»).

Немецкий ученый Ханс-Йоахим Мюлленброк отмечает, что усиление акцента на деспотии других стран противостоит космополитизму просветителей. Он называет это явление провинциальным контрпросвещением [Griffin: 74]. Творчество Дж. Литтлтона выступает ярким примером данного феномена.

Прославляя политический строй Англии, рассказчик не забывает назвать и его недостатки: лживое красноречие политиков, подкуп на парламентских выборах, различные злоупотребления представителей власти.

Интересно, что в некоторых письмах английскую действительность (прежде всего политическую) описывает не сам перс, а его собеседник. Селим выражает удивление по поводу различных явлений, приводит свою точку зрения на них, а собеседник описывает реальное положение дел. Подобным же образом действует Монтескье, когда рассказчик-перс выражает просветительские идеи посредством чтения письма от какого-либо европейского собеседника [Поляков, Полякова 2023: 328]. В письмах Дж. Литтлтона неизвестный собеседник представляет альтер эго писателя. Так, он подробно рассказывает о преимуществах партий в парламенте над бесконтрольной властью, сосредоточенной в руках монарха. В свою очередь, Селим является восточным *alter ego* Дж. Литтлтона [Ковалёв: 42].

Значительное внимание в «Письмах перса» уделено духовной жизни Англии. С одной стороны, рассказчик видит, как религия становится средством для обогащения священников, неким идолом, который имеет огромную власть над людьми, причем ее внешняя форма подменяет содержание («Вся религия состоит из искуплений, вознесений, процессий, паломничеств» (172)), с другой, его собственный опыт путешественника убеждает его в том, что в Англии немало по-настоящему благочестивых служителей культа. Так, в провинции он встречает священника, которому свойственны доброта, неподдельная любовь к людям, независимо от их вероисповедания и политических взглядов, ненависть ко греху, порядочность и честность.

“<...> the Chrifitian religion appeared to me so amiable in his character and manners that, if the force of education had not rooted Mahometanism in my heart, he would certainly have made a convert of me” (310).

(«Христианство показалось мне столь привлекательным в его поведении и манерах, что я бы непременно перешел в эту веру, если бы магометанство не было укоренено в моей душе»).

Рассказчик замечает, что англичане уважают чужую религию и ценности, с пониманием относятся к людям с иной верой и взглядами.

В заключение Селим пишет о благотворном влиянии, которое оказала на него Англия, об избавлении от многочисленных предрассудков, о коренном изменении в мировосприятии. Он отмечает такие качества англичан, как здравомыслие, искренность, добродушие, вежливость, доблесть, трудолюбие. Источник величия

Англии перс видит в демократических свободах, гарантированных ее гражданам конституцией.

В целом положительная валоризация гетерообраза Англии в цикле Литтлтона отчасти перекликается с письмом СХХVI романа Монтескье. Два сочинения обладают и другими общими чертами. Так, Дж. Литтлтон, как и французский мыслитель, часто вводит образы собеседников главного героя, через высказывания которых он раскрывает основные проблемы английского общества. Кроме того, в обоих сочинениях присутствуют элементы восточного колорита, вставные рассказы. Стоит отметить, что письма Монтескье отличаются бóльшим правдоподобием (описания восточного быта, обращение к реальным историческим событиям, датировка писем и т. д.), динамичностью повествования, наличием романной фабулы, масштабностью проблематики, богатством художественно-образительных средств языка.

Для эссе Дж. Литтлтона характерны простота, лаконичность, стремление к объективности. При описании английской действительности ему свойственны наблюдательность и глубокие размышления. Писатель тщательно структурирует материал. Важно отметить, что Дж. Литтлтон обращался к трудам Дж. Локка, его идеям об относительности человеческих представлений, что делает понятными некоторые противоречия в его произведении. Автор стремится предельно ясно посмотреть на действительность. Он понимает, что мир многогранен и сложен и его нельзя представлять только с одной позиции. Так, Дж. Литтлтон пишет, что религия вырождается, но в то же время есть священники, которые являются подлинным оправданием христианской веры.

В «Письмах перса» автору удалось посмотреть на английское общество со стороны, через призму восточного мировоззрения, как и Монтескье в «Персидских письмах» [Leerssen 1987: 138]. При этом Селим является носителем христианской веры, этики, европейской мысли, научного знания, поскольку личность перса неразрывно связана с личностью автора.

Сочинение Дж. Литтлтона предвосхитило цикл эссе О. Голдсмита «Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на востоке» (*Letters from a Citizen of the World, to His Friends in the East*, 1762) и послужило для него своего рода основанием. Несмотря на то, что стиль «Писем перса из Англии к своему другу в Исфахане» не столь отточен и изящен, как в «Гражданине мира», а мистификация не столь правдоподобна, эссе Литтлтона занимают важное место среди произведений, в которых ведется художественный и философский диалог с «Персидскими письмами» Монтескье и воплощается стратегия репрезентации национального автообраза через оценки восточного «другого». Они являются важнейшим художественно-публицистическим имагологическим документом, отразившим умонастроения эпохи и, в целом, своеобразие английского Просвещения.

Список литературы / References

- Гейзер А.Р. Восточная тема в английской литературе XVIII века: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 185 с.
 (Gejzer A.R. The Oriental Theme in the Eighteenth Century English Literature: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Leningrad, 1984, 186 p. — In Russ.)
- Ковалёв М.А. Общественно-политический идеал барона Дж. Литтлтона // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Владимир, 2020. Т. 40, № 4. С. 38—48.
 (Kovalyov M.A. Social and political ideal of baron G. Lyttelton, *Proceedings of the society for history, archaeology and ethnography at Kazan university*, Vladimir, vol. 40, no. 4. pp. 38—48. — In Russ.)

- Лучинина П.Ю. К вопросу о типологии английских периодических эссе XVIII в. на ориентальную тему // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 2. С. 132—136.
(Luchinina P.Yu. On typology of oriental essays in the eighteenth-century English periodicals, *Herald of Vyatka State University*, 2012, no. 2, pp. 132—136. — In Russ.)
- Монтескье Ш.Л. Персидские письма. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2002. 511 с.
(Montesk'e SH. L. Persian letters, Moscow, 2002, 511 p. — In Russ.)
- Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с.
(Polyakov O.Yu., Polyakova O.A. Imagology: theoretical and methodological foundations, Kirov, 2013, 162 p. — In Russ.)
- Поляков О.Ю., Полякова О.А. Литературоведческая имагология. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2023. 393 с.
(Polyakov O.Yu., Polyakova O.A. Literary imagology, Kirov, 2023, 393 p. — In Russ.)
- Сигал Н.А. «Персидские письма» Монтескье как памятник просветительской философской мысли // Монтескье: Pro et Contra. Личность и творчество Монтескье в России: переводы, исследования, рецепция. М.: РХГА, 2021. С. 237—257.
(Sigal N.A. "Persian Letters" by Montesquieu as a monument to educational philosophical thought, *Montesquieu: Pro et Contra. Personality and creativity of Montesquieu in Russia: translations, research, reception*, Moscow, 2021, pp. 237—257. — In Russ.)
- Conant M.P. The Oriental Tale in England in the Eighteenth Century. New York: The Columbia University Press, 1908, 353 p.
- Defoe Daniel. A Tour Thro' The Whole Island of Great Britain, London: S. Birt, T. O borne, 1748, vol. 3, 309 p.
- Goldsmith O. The Citizen of the World; or Letters from a Chinese Philosopher, residing in London to His Friends in the East, London: W. Wilson, Printer, St. John's Square, 1809, 576 p.
- Griffin M. Enlightenment in Ruins: The geographies of Oliver Goldsmith, Lewisburg: Bucknell University Press, 2013, 232 p.
- Leerssen J.T. Montesquieu's corresponding images: cultural and sexual alterity in pseudo-oriental letters, *Comparative Criticism*, Amsterdam: Amsterdam University Press, 1987, vol. 9, pp. 135—154.
- Leerssen J.T. National Thought in Europe, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2006, 313 p.
- Locke J. The Works of John Locke, London: J. Johnson, 1801, vol. 2, 366 p.
- Lyttelton G. Letters from a Persian in England to his Friend at Ispahan, London: J. Dodsley, 1776, vol. 1, 413 p.
- Masroor C., Mannies W. Persia and the Enlightenment, Liverpool: Liverpool University Press, 2021, 273 p.
- Rao A.V. The Life and Works of George, Lord Lyttelton, Calcutta: The Book Company, 1934, 416 p.

THE IMAGE OF ENGLAND IN J. LYTTELTON'S SERIES OF ESSAYS "LETTERS FROM A PERSIAN IN ENGLAND TO HIS FRIEND AT ISPAHAN"

Oleg Yu. Polyakov, Konstantin I. Shubin

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation,
polyakoov@yandex.ru, kostyashubin43@gmail.com

Abstract. The article is devoted to an imagological analysis of the series of essays by J. Lyttelton "Letters from a Persian in England to his friend at Ispahan" (1735), which presents a meta-image of the 18th century England. The conceptual element of Lyttelton's essay

is the technique of “defamiliarization,” a narration from the perspective of a cultural “other” (oriental character-mask), which allows us to sharpen and re-understand many of the realities of English national life of that time, to most fully and holistically present the picture of various aspects of English reality (political, social, economic, spiritual). In addition, the article traces the continuity of Lyttleton’s creative method and philosophical views in relation to the philosophical and artistic-aesthetic tradition of the Enlightenment (D. Locke, C. Montesquieu) and the development of images and ideas of the author of the “Letters of a Persian” in the works of English writers. The novelty of the work is also due to the fact that previously unstudied texts are introduced into the field of imagology, and the picture of the functioning of hetero-images of the East and other countries in the literature of England in the 18th century is complemented. The findings contribute to a deeper understanding of J. Lyttleton’s and O. Goldsmith’s work, their relationship; the research materials can be used in further research of the problems of imagological reception and representation.

Keywords: Lyttleton, image, representation, estrangement, metaimage

For citation: Polyakov O.Yu., Shubin K.I. The Image of England in J. Lyttleton’s Series of Essays “Letters from a Persian in England to his friend at Ispahan”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 5—14.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 21.04.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 21.04.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Поляков Олег Юрьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, polyakoov@yandex.ru

Polyakov Oleg Yurievich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, polyakoov@yandex.ru

Шубин Константин Ильич — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, kostyashubin43@gmail.com

Shubin Konstantin Pyich — postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, kostyashubin43@gmail.com